

• БЕЛЛА АХМАДУЛИНА. ОТВЕТЫ БЕЗ ВОПРОСОВ

«Мой долг еще не исполнен»

АХМАДУЛИНА - это строчки и многоточия между строчками. У нее прекрасные стихи и... серьезные улыбки. Интервью с ней - не бессмысленно даже, а неорганично. Когда она говорит, она не отвечает на вопросы. Она просто говорит...

Я ТАКОГО НЕ ВИДАЛА НИКОГДА...

...Я РОДИЛАСЬ в Москве и долго не говорила, словно ни с кем не хотела разговаривать. А потом расцвели тюльпаны, и я сказала первую внятную фразу: «Я такого не видала никогда». Это подходит и к восхищению, и к удивлению... В этом доме, в котором я родилась, там всех посадили, кроме моих. Моя бабушка... моя бабушка всех жалела. Я помню, у нас в Ильинском сквере гулял мальчик, с которым никто не играл, потому что он болел корью. И бабушка мне сказала: «Иди, поиграй с этим мальчиком!.. Лучше заболеть корью, чем оставить кого-то одиноким...» Я поиграла, заболела... но запомнила. Одиночество?.. Об этом можно долго рассуждать. Но я думаю, не я страдала от одиночества, а мои девочки скорей... Я думаю, любое искусство и дети - это очень трудно. Человек, который занимается искусством, он... невольно изменяет - в благородном смысле слова - своим детям. Все равно он сначала будет служить искусству и исполнять свой художественный долг, а потом будет терзаться, что не исполняет свой родительский долг...

ДЕЛО В СОСТОЯНИИ ДУШИ...

ЧТО я думаю про искусство?... Я думаю, что оно не принадлежит народу.

Сейчас принято скучать о том времени, когда поэты выступали в «Лужниках», в Политехническом музее... Я сама выступала. И публика аплодировала. А Бродский в это время находился в архангельской ссылке, что не мешало ему потом получить Нобелевскую премию... Но не в этом дело. Дело в губительном старании быть понятным. Пребывание на эстраде мне сильно повредило. Ведь когда ты выступаешь на эстраде, ты хотя бы от вежливости стараешься быть понятным. И ты ведь не хочешь, чтобы тебя забросали помидорами... А потом уже трудно писать. Так что я по тому времени - не скучаю.

...Дело в состоянии души, а не в том, чтобы быстрее написать. Я никогда не спешила печататься, даже тогда, когда это стало возможным. И это меня спасало. Я часто бывала под запретом. Никто б меня не знал никогда, но когда вдруг появляется фельетон за фельетоном, и в таких популярных журналах, например в журнале «Крокодил», и с такими интригующими заголовками: «Верхом на розовом коне», то... люди заинтересовались, в конце концов: да кто же это такая?!

Я себя в жизни триумфатором не ощущаю. Я всегда имела обыкновение со строгостью, с излишней, может быть, строгостью относиться к собственным деяниям, к собственным сочинениям... Но я - не приткий сочинитель. Все же связано с суетой, которой и предаваться - грех, и не предаваться - невозможно.

...Всякий человек имеет какой-то художественный долг перед людьми. У меня есть ощущение, что я только для того и только затем, что мой художественный долг еще не исполнен. И я хочу его исполнить... если не до точки, то хотя бы до многоточия...

ИНОГДА Я ОЩУЩАЮ СЧАСТЬЕ...

ПУШКИН написал: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». А мне думается... Нет, конечно, не принято спорить с Пушкиным, но мне думается - может быть, и покоя нет, и воли нет, а счастья почему же нет?.. Иногда есть. Просто вот, человек сидит с приятелем, рюмку выпивает... или с женщиной он... И если он знает, что это - счастье, то это - счастье. Иногда я ощущаю какое-то счастье. Это - осознанные мгновения бытия. Отражение Луны в Неве, например... Большого просить не приходится.

...Меня кто-то спросил про страда-

ние: оно необходимо?.. Оно - не необходимо, оно - неизбежно. Человек, творческий человек, не призывает к себе страдания. Воспетое страдание - да, да, оно дает облегчение. Но разве я хочу страдать?.. Разве вы хотите страдать? Разве мы зовем страдание, боясь, что иначе ничего не напишем?...

БОЮСЬ ПРОВИНИТЬСЯ...

НАБОКОВ... Набоков не похож ни на фотографии свои собственные, ни -

тем более - на рассуждения о нем людей. Я написала ему письмо, из Парижа... которое ему понравилось, и Владимир Владимирович с Верой Евсеевной нас пригласили в Швейцарию, в Монтре... В 1977 году. Мы рассказывали, как заходили в его дом на Морской, который тогда еще, конечно, был закрыт для посетителей, а В. В. вглядывался в наши лица, словно хотел спросить: «Откуда вы такие взялись?!» И очень хвалил за то, что в этом доме на Морской мы не испугались старухи...

Там действительно жила такая старуха... отвратительная старуха, из понятых такая. Она когда-то не пустила в этот дом Елену Владимировну, сестру В. В., которая однажды туда пришла. Старуха спросила: «Зачем это?» Сестра ответила, что она здесь когда-то жила. «А в какой комнате?» - строго спросила старуха. «Во всех», - ответила она. И старуха ей, конечно, не поверила. Когда мы заходили, мы тоже видели эту старуху, но не испугались ее, и она тогда позвала какого-то начальника - я в письме В. В. написала: «вошел от всего уставший начальник»... Начальник посмотрел на нас и понял, что мы сейчас скажем, что мы из Эрмитажа или там еще откуда-нибудь, но не уйдем... Владимир Владимирович отдельно хвалил нашу смелость и отдельно - как я написала: «от всего уставший начальник»... Он ведь не верил в существование какой-то но-

вой русской культуры и того, что жизнь длится... А свой русский называл «замороженной земляникой» и спрашивал: «Можно ли взять мои книги в библиотеке?», именно так... Само устройство его лица было поразительным, оно меня совершенно покорило, и я сказала даже: «Вдобавок ко всему вы еще и ненаглядно хороши собой». Он мягко рассмеялся и сказал: «Лет 20... ну даже 10 лет назад я еще принял бы ваши слова всерьез...» Его очень волновало, читают ли его. Вера Евсеевна сказала, что американцы утверждают, что они пробовали забросить его книги в Россию через Аляску. А Владимир Владимирович так грустно сказал: «Ну вот и читают их там белые медведи...»

Я боюсь перед людьми провиниться, которые ко мне благосклонны. И даже перед теми, кто не был благосклонен... Боюсь поступиться совестью.

ОТДАТЬ - ЭТО ДАТЬ СЕБЕ ПОДАРОК...

ЗАВИСТЬ во мне?.. Я думала об этом и пришла к выводу, что - нет. У меня одна хорошая черта: я всегда любила талант других людей. Я им восхищалась. Так что чужому таланту я не завидовала. А чужой жизни?.. Но я ведь в своей жизни ничего другого не хотела, чему мне завидовать?.. Я очень много доброты людей видела и, как мне кажется, в душе зла не имею. И это очень многое дает. Вообще, кто добр - у того ведь и прибудет. «Прибыль» я имею в виду не вздор, не имущество, а - прибыль души, прибыль ума... Даже прибыль лица. Лицо красивой становится. Отдать - это дать себе подарок. Корыстно звучит, но это так... Однажды, когда у меня было совсем уж настроение из рук вон, я взялась отгадывать кроссворд. Отгадывала и наблюдала, как одно мое полушарие меня пристыживает за это, а второе уже описывает, как человек в настроении из рук вон отгадывает кроссворд. И первое слово, которое я должна была отгадать, было - «умственные затруднения». Шесть букв. Я поняла, что это - «маразм», и больше никогда кроссворды не отгадываю. Да я их и раньше никогда не отгадывала, так...

Хочу ли я, чтобы люди меня читали?.. Я хочу, чтобы люди жили хорошо. А читать меня - необязательно.

Редакция благодарит авторов телевизионного цикла «Жизнь замечательных людей» за помощь в подготовке материала.